

ные педагогические принципы; любовь къ правдѣ и труду; стремленіе къ истинѣ; самоусовершенствованіе, не прекращавшееся всю его жизнь; общительность и уваженіе вмѣстѣ съ несомнѣнной любовью къ ближнему и наконецъ отвращеніе къ насилию;—всѣ эти высокія черты этого настоящаго генія подготовили его ученіе и устранили кажущуюся неожиданность и экцентричность его появленія.

91

VII.

Перемѣна, происшедшая въ личности Льва Николаевича Толстого.

Прошло девять лѣтъ. Я успѣлъ свыкнуться съ разлукой и очень рѣдко переписывался съ Ясной Поляной.

А тамъ въ этотъ промежутокъ времени постепенно назрѣвалъ общечеловѣческій вопросъ.

Побывавъ на двухъ окраинахъ Европейской Россіи, я лѣтомъ 1887 года вернулся повидать родныхъ и родину—Москву, а въ началѣ Августа того же года былъ уже въ Ясной Полянѣ.

Я приѣхалъ почти наканунѣ созданія Крейцеровой Сонаты, и, слѣдовательно, къ окончательному уясненію всего ученія.

Сестра, съ счастливой и гордой улыбкой матери, смотрѣла, какъ дѣти ея шумно сбѣгались ко мнѣ навстрѣчу и ласково спрашивала меня: «а этого узналъ? а этотъ переросъ тебя!» Но Левъ Николаевичъ еще не выходилъ и я спросилъ про него. Нѣсколько минутъ спустя отворилась дверь изъ его кабинета и онъ вышелъ ко мнѣ